

Цяо Цзин искренне надеялся сблизиться с Чэнь Суйхуаем.

За все эти годы единственным человеком, с которым он мог нормально поговорить, оставалась Сы Инин, но разница в полах — непреодолимая пропасть между двумя людьми.

Пусть оба они были простодушными и росли вместе с малых лет, повидав друг друга в самых нелепых ситуациях, повзрослев, они всё равно сохраняли положенную дистанцию.

Цяо Цзин то и дело думал: вот было бы здорово, если бы Сы Инин оказалась парнем.

Было бы здорово иметь близкого друга-парня.

Многие знали, что в семье Цяо появился кто-то новый, и вовсю веселились, с нетерпением ожидая возможности поиздеваться над Цяо Цзином. Но если посудить, во всей семье Цяо именно Цяо Цзин, пожалуй, радовался появлению Чэнь Суйхуаю больше всех.

А вдруг?

Возможно, сейчас он сможет получить от одного и того же человека те семейные и дружеские узы, которых ему так не хватало все девятнадцать лет.

Поэтому Цяо Цзин пододвинул поближе к Чэнь Суйхуаю первыми поданные тартар из желтохвоста и лососевый пудинг:

— Сначала попробуй это, очень вкусно.

Чэнь Суйхуай зажал вилку и ткнул её кончиком тыльную сторону ладони Цяо Цзина:

— Не нужно.

Ничуть не удивительно, что при столь недальновидном подходе к делам Чэнь Суйхуай составил о нём определенное мнение.

Перед лицом человека, отроду не выдавшего видов, была ли нужда устраивать подобные проверки с таким шиком?

Цяо Цзин посмотрел на Чэнь Суйхуаю, затем на эти две вызывающие слюнки, но недоступные блюда, задумчиво произнес:

— Хм... Если тебе не нравится пользоваться ножом и вилкой, хочешь, я спрошу у официанта, нет ли палочек?

— На самом деле у меня тяжелая аллергия на морепродукты. Я попробовал их совсем малышом, ещё ничего не помня, и у меня начался отёк дыхательных путей, чуть не умер. С тех пор мне больше не выпадало шанса их отведать.

— Вообще-то мне искренне любопытно. Наверное, если кто-то просто расскажет своими словами об их текстуре и вкусе, это тоже сможет удовлетворить мои вкусовые рецепторы, и я вовсе не буду сильно огорчен или разочарован.

Не дожидаясь ответа Чэнь Суйхуая, Цяо Цзин хотел уже позвать официанта.

Чэнь Суйхуай холодно глянул на Цяо Цзина и ничего не ответил.

Цяо Цзин совершенно не видел ничего странного в том, чтобы попросить палочки в ресторане западной кухни. Он лишь мысленно яростно себя отчитал: Чэнь Суйхуай вырос в обстановке, где отроду не соприкасался с ножом и вилкой, и сейчас ему, пожалуй, ужасно неловко.

Сам он в еде всегда сохранял некоторую беспечность выходца из диких лесов и горных дебрей. И даже когда позже научился разбираться в винах и чае, а также мог по памяти перечислить всевозможные способы подачи икры, в глубине души он всё равно не мог принять подобную вычурность.

Такой манере разговора, явно свойственной человеку выше по положению, Цяо Цзин изумился. Раньше он думал, что исходившее от Чэнь Суйхуая давление в основном проистекало из его высокого роста и сдержанной гаммы в одежде, но теперь ему казалось, что дело, пожалуй, не только в этом.

Стоило его руке чуть приподняться на пару сантиметров, как движение прервало ощущение лёгкого холода.

Поэтому он и не считал эти изысканные блюда чем-то особенным.

Цяо Цзин не успел поразмыслить над этим подробнее, как его внимание переключилось на Чэнь Суйхуая, который как раз разжал губы и попробовал еду. Цяо Цзин торопливо спросил:

— Ну как?

Голос Чэнь Суйхуая был лишён каких-либо интонаций, очень низкий, а движения рукой — нетяжёлыми. Лишь едва коснувшись тыльной стороны ладони Цяо Цзина и тут же отстранившись, он излучал неотразимую властность.

Чэнь Суйхуай кивнул:

— Нормально.

Ради спокойствия Чэнь Суйхуай он специально смягчил «привычку» до «нелюбви», так что граница между вынужденным шагом и осознанным выбором изрядно стёрлась благодаря его тщательному подбору слов.

— Я думал, ты попробуешь это впервые, и уж точно сможешь рассказать мне о своих истинных впечатлениях. Не ожидал... что на самом деле это и впрямь не так уж вкусно.

Цяо Цзин вздохнул и продолжил:

— Эх, люди всегда сильнее всего хотят того, чего не могут получить. Окружающие, наверное, просто пытались оградить меня от лишних сожалений, и каждый раз, когда я расспрашивал о вкусе морепродуктов, отмахивались, мол, так себе, ничего особенного и всё в таком духе.

Чэнь Суйхуай не шевельнулся, опустив взгляд и дважды окинув им изящную сервировку, после чего исподлобья глянул на Цяо Цзина. Он подумал, что блюда тот выбрал неплохие — судя по недавнему заказу Цяо Цзина, все они были весьма известными деликатесами этого заведения.

На лице Цяо Цзина внезапно промелькнуло разочарование:

— Только нормально?

И самое забавное, что сам Цяо Цзин есть всё это не мог, да и понятия не имел, чем же так особенны эти блюда, ради которых повара, выписанные за огромные деньги прямо из Франции, используют ингредиенты со всего света, а люди занимают очередь за месяц-два вперёд, лишь бы прийти и отведать их.

Чэнь Суйхуай остолбенел.

Цяо Цзин действительно был разочарован, но причина этого разочарования совершенно не совпадала с тем, что он вообразил.

Опасаясь, что его уныние испортит Чэнь Суйхуаю настроение от дальнейшей трапезы, Цяо Цзин быстро взял себя в руки и произнес:

— Ничего страшного, возможно, просто эти два блюда пришлись тебе не по вкусу, а основное ещё не подали. Если всё равно не понравится, не переживай, в следующий раз я отведу тебя в другое место, где кормят очень вкусно.

Говоря это, он сложил ладони вместе, легонько хлопнул в ладоши, и в его глазах снова загорелся огонек:

— Точно, так даже лучше! Теперь мы сможем ходить есть вместе, из нас получится идеальная компания для совместных трапез!

Чэнь Суйхуай:.....

Кто вообще соглашался быть с Цяо Цзином компанией для еды? Что за самодеятельность!

Исчезли без следа те мимолетные удивление и растерянность. Чэнь Суйхуай счёл сияние, мелькавшее под густыми ресницами Цяо Цзина, до крайности раздражающим, и ему безумно захотелось сболтнуть хоть что-нибудь, лишь бы эта улыбка поскорее исчезла с его губ.

Однако как бы ни метался в бешеном темпе тот самый ум Чэнь Суйхуая, которым некогда восхищались бесчисленные люди, и его мозг, способный генерировать ошеломляющие прибыли от любого чиха, за весь оставшийся до конца обеда час он так и не смог подобрать подходящих слов, чтобы вернуть Цяо Цзина в состояние уныния и печали.

Стоило Чэнь Суйхуаю заявить, что еда неплоха, как Цяо Цзин тут же принимался упрашивать его рассказать поподробнее, описать всё как следует, и заявлял, что решение привести его именно в The Modern было абсолютно верным.

Если же он говорил, что основные блюда и десерты хуже закусок, пресны и напоминают солому, Цяо Цзин тоже радовался: с одной стороны, он нахваливал Чэнь Суйхуая за то, что тот не перебирает харчами — неудивительно, что он выглядит таким крепким и здоровым, куда лучше него самого, — а с другой, тут же предавался мечтам о том, чем они будут лакомиться вместе, когда станут компаньонами по еде.

Короче говоря, Цяо Цзин вогнал Чэнь Суйхуая в полный ступор.

Тот взял салфетку, чтобы вытереть рот, но внезапно замер и окликнул:

— Цяо Цзин.

— Чего тебе? — Цяо Цзин как раз расписывался на счету. Услышав, как его имя отчетливо и звучно произнесли бархатным баритоном, он на мгновение замер с перьевой ручкой в руке и с удивлением произнес: — Подожди-ка, это ведь ты впервые назвал меня по имени?

Чэнь Суйхуай же перед обедом, когда они покупали одежду, как его обозвал?.. Цзи Лань, кажется?

Прошло всего-то время одного обеда, а он уже добился того, что Чэнь Суйхуай запомнил его имя!

Глаза Цяо Цзина сощурились в улыбке. Он подумал, что те незнакомые девчонки из интернета и правда невероятны: в будни болтают о пустяках без всякого серьеза, но когда действительно просишь совета, их подсказки оказываются чертовски полезными.

Он уже почти видел перед собой картину того, как они с Чэнь Суйхуаей станут лучшими друзьями.

Когда это случится, он сможет запросто схватить Чэнь Суйхуаю за руку для совместного фото и заставить его работать своим моделью.

Этот вопрос заставил Чэнь Суйхуаю мгновенно забыть, что именно он вообще собирался сказать, окликнув Цяо Цзина.

С момента своего перерождения он действительно назвал Цяо Цзина по имени впервые?

Вообще-то, раньше у Чэнь Суйхуаи и возможностей-то толком не было произнести полное имя Цяо Цзина.

Порою поначалу он вместе со всеми звал его вторым молодым господином Цяо, и в этом обращении вечно сквозило насмешливое презрение. В конце концов, в глубине души он ни в грош не ставил этого бездарного малого, что занял чужое место, и ставил его на одну доску с Цяо Янем.

Позже, когда после разоблачения происхождения второго молодого господина Цяо это прозвище окончательно превратилось в излюбленную тему для сплетен за обеденным столом, Чэнь Суйхуай стал называть Цяо Цзина иначе.

При встрече они обходились в основном местоимением ты или презрительным эй, а справляясь у знакомых о нынешнем положении Цяо Цзина, пользовался формулировкой тот самый человек.

Вплоть до самой смерти Цяо Цзина.

Всякий раз, оставаясь в одиночестве и вспоминая Цяо Цзина, он позволял кончику языка упереться в нёбо и тихо выдыхал эти два слога.

Оказывается, впервые за эту жизнь он произнес имя Цяо Цзина именно в такой обстановке.

— Цяо Цзин, — снова позвал Чэнь Суйхуай.

— А, я здесь, — Цяо Цзин ни капли не выказал раздражения и отозвался вновь: — Что такое?

Ответив, Цяо Цзин просто тихо смотрел на Чэнь Суйхуая, полагая, что у того есть какие-то слова, которые ему трудно произнести и стыдно выговорить, раз он в нерешительности дважды повторил его имя.

Однако Чэнь Суйхуай долго молчал.

Сколько бы раз в прошлом он ни произносил имя Цяо Цзина, в этом мире больше никому было ответить ему привычным: Я здесь.

С момента перерождения Чэнь Суйхуай ощущал себя словно искусно настроенный по программе искусственный интеллект, что шаг за шагом планировал связаться с Цяо Янем, прибыть в город С, явиться перед Цяо Цзином, освоиться в эту эпоху, дотошно перебрать в памяти всё пережитое и обдумать, как усовершенствовать свой план мести.

Он неизменно выстраивал свою душу вне этой эпохи, чтобы обозревать картину целиком, и лишь в этот самый миг словно пробудился ото сна.

Он и впрямь вернулся в прошлое.

— Ты всегда такой болтливый?

— А? — Цяо Цзин никак не ожидал, что Чэнь Суйхуай с таким серьезным видом задаст столь сбивающий с толку вопрос.

Но судя по всему, шутить тот не собирался, и Цяо Цзин задумался:

— Да вроде бы. Наедине я в большинстве случаев болтаю без умолку, а вот в большой компании у меня начинается легкая социофобия.

Если уж на то пошло, в детстве Цяо Цзин слыл довольно шумным и жизнерадостным ребенком. Ему не терпелось вывернуть душу наизнанку при встрече с каждым встречным, и он не мог удержать в себе и полминуты какой-нибудь секрет, норовя поделиться им с лучшими друзьями.

Только вот те самые лучшие друзья внешне казались с ним близки, а за глаза яростно полоскали Цяо Цзина за каждую мелочь, что пришлось им не по нраву, и даже распускали о нём грязные слухи.

Стоило Цяо Цзину излить им душу, как его откровенность в какой-то момент оборачивалась острой клинком, что вонзался в него самого.

К счастью, рядом всегда находилась нестигаемая Сы Инин. Мало того, что она помогала Цяо Цзину опровергать слухи, так ещё поначалу могла скрутить тех сплетников, притащить к нему

и заставить извиняться.

Но нельзя же вечно беспечно полагаться на других. В общем, после пары подобных случаев Цяо Цзин разлюбил заводить друзей по собственной воле.

Заметив, что Цяо Цзин на какое-то время замкнулся в себе, Сы Инин заставила его зарегистрировать первый аккаунт в соцсетях: Не смей портить себе настроение из-за всяких мерзавцев, будь собой, а если что — я прикрою. Если о чем-то не хочешь говорить со мной, поболтай в интернете с незнакомцами, только не зарывайся в тоске.

Так аккаунт в соцсетях превратился в личный дневник Цяо Цзина. Позже его рисунки приобрели известность в узких кругах, и у него появились постоянные собеседники — Цяо Цзин вовсе не считал их своими фанатами, а просто видел в них никогда не виденных прежде людей со схожими интересами, которые никогда не скупилась на похвалу в его адрес.

Единственное, что доставляло Цяо Цзину некоторые хлопоты — это почему-то упорное нежелание тех людей верить, что на самом деле он не девчонка.

Именно благодаря наличию этих каналов для общения Цяо Цзин в глубине души никогда не был молчуном. Просто из-за того, что ему слишком часто доставалось на людях, он намеренно сократил количество слов, и со временем это превратилось в настоящую социофобию.

Цяо Цзин: — Я тебе надоел? Если тебе не нравится, я больше...

— Нет, — тут же опроверг Чэнь Суйхуай, — как хочешь.

Он вовсе не считал Цяо Цзина болтливым, просто был чудовищно не привычен к этому.

Потому что в воспоминаниях Чэнь Суйхуай Цяо Цзин представал человеком, способным в любой обстановке найти тему для непринужденной беседы и угодничества, но наедине со всеми молчавшим так тихо, что о его присутствии рядом едва ли можно было догадаться.

Тогда Чэнь Суйхуай снова спросил:

— А когда тебе не хочется говорить?

Цяо Цзин склонил голову набок и задумался:

— Наверное, когда мне грустно, тоскливо и я устал настолько, что сил не остается даже на слова.

<http://bllate.org/book/22420/2354045>